

Исправить...

Ну конечно. С самого начала он ведь стремился всё изменить. Так почему же он пришёл к разрушению?

Ещё до того, как он покинул прошлый мир, его мысли были заняты лишь тем, как всё исправить...

В какой же момент всё пошло наперекосяк?

Память Харе медленно, крупца за крупницей, устремилась вспять и замерла на том самом приморском холме.

Там, в клетке из тёмно-красных, словно сочащихся кровью ветвей, точно такой же юноша прошептал: «У цветка две стороны, и человек колеблется между буддой и демоном». Он говорил, что Харе «несёт разрушение», и умолял: «Спаси меня».

В сознании Харе вдруг воцарилась хрустальная ясность, будто пелена, застилавшая взор, мгновенно рассеялась.

Он снова посмотрел на оставленную им записку. Нахмурившись, он погасил растерянность в глубине своих синих глаз, сменив её холодной решимостью.

Раз у человеческой природы две стороны, и если он способен разрушать, то сможет и созидать!

Развернув соприкасающиеся кончики пальцев, Харе изменил жест. Соединённые вместе указательный и средний пальцы замерли, напоминая стрелки часов. Сила разрушения, едва не вырвавшаяся наружу, послушно затихла.

Бушевавший в комнате ветер на мгновение замер. Юноша снова закрыл глаза, его кадык нервно дёрнулся.

Он ведь едва не забыл. Помимо сил, унаследованных от родителей, у него была собственная врождённая техника...

Расколотые миры возникли из-за него — значит, ему и суждено положить этому конец.

Приняв решение, Харе глубоко вдохнул и медленно открыл глаза. На его губах заиграла упрямая улыбка, обнажая острые белые клыки.

— К чёрту правила! Кто сказал, что в одной эпохе не может быть двух пар Шести глаз? Я докажу обратное!

Он выкрикнул эти слова, вкладывая в свой первый в жизни призыв территории всю оставшуюся силу:

— Расширение территории!

— Часы творения!

Затихший было ветер взревел с новой силой. Из самой глубины разверзнувшегося над головой небесного купола донёсся древний, глухой и величественный звон.

Бум...

Бум...

Бум...

Мерные, ровные удары эхом разнеслись по самым дальним уголкам земли. Время для всех живущих словно замерло, нажатое чьей-то невидимой рукой на паузу.

В первом мире юные Сатору и Сугуру из Технической школы магии так и застыли перед экраном с зажатыми в руках геймпадами.

Во втором мире те же двое, ставшие на год старше, замерли над тарелками с ледяной лапшой соба, спасаясь от изнуряющей летней жары.

В третьем мире взрослый сильнейший маг Годжо и глава культа Гето стояли плечом к плечу посреди залитого кровью Главного управления магии. Запрокинув головы, они вглядывались в небо. Осознав происходящее, они обменялись быстрыми взглядами и устремили взоры в одну точку. Время застыло.

Огромный пласт воспоминаний из разных временных линий хлынул в их сознание бушующим океаном.

А в их родном мире, у сдвоенной могилы, где они покоились рядом, лежали увядшие синие розы — Харе оставил их перед уходом. Цветы, символизирующие чудо и несбыточную мечту.

И вот под шёпот ветра и мерное тиканье невидимых часов потемневшие, иссохшие лепестки начали наливаться цветом, оживая и медленно расправляясь.

Сила проклятых духов, подпитываемая верой в Харе во всех этих мирах, высвобождалась с неистовой скоростью. В своей комнате юноша сидел, стиснув зубы до крови. Он отдавал всё до последней капли, выжимая из себя проклятую энергию, чтобы удержать эту колоссальную, связывающую пространства и времена территорию.

Бум... Бум...

Тяжёлый, глухой звон отсчитал ровно двенадцать ударов. Едва затих последний отголосок, как вселенные разом погрузились в непроглядную тьму.

Все живые существа мгновенно лишились чувств и впали в забытие.

Харе в муках согнулся, его дрожащие ладони бессильно упали. Внезапно его тело охватило яростное пламя, став единственным источником света в первозданной пустоте.

«Получилось?.. Или всё-таки крах?»

Эта мысль упрямо билась в угасающем сознании, но у него не осталось сил даже на то, чтобы разомкнуть веки. Сквозь полузабытие донёсся тихий, монотонный шум дождя, шуршащего по крыше.

Удивительно, но огонь горел совершенно беззвучно, без треска и копоты. Харе не чувствовал

боли — лишь волны сухого тепла уносили кружащийся пепел во тьму.

Вскоре пламя угасло. Юноша исчез. На его месте осталась лишь горстка серой золы, которая осыпалась вниз и тут же растворилась во мгле.

В мире не осталось ни единого следа его пребывания, словно он никогда и не родился.

Кап...

Кап...

Снова звук падающей воды.

Сознание медленно возвращалось к Харе. Он нахмурился. Неужели дождь всё ещё идёт?

«Я всё в том же мире? Значит... я проиграл?»

Растерянный, он вслушался в этот звук и понял, что вода бьёт иначе, нежели дождевые капли.

Он попытался поднять руку, чтобы поймать струю, но не ощутил собственного тела. Он сделался невесомым, лишился очертаний.

Внезапно память подсказала разгадку. Это журчание реки. Там, в Расщелине времени, струился сияющий Временной поток, стремящийся к Древу жизни.

Древо...

Стоило Харе представить его очертания, как в пустоте раздался бесплотный, чистый голос:

— Странник времени, чего ты взыскуешь?

«Чего взыскую?»

Харе мысленно моргнул, его разум был пуст. Лишь спустя мгновение он ответил:

— Я хочу жить рядом с теми, кто мне дорог.

— Какое эгоистичное желание.

Голос прозвучал вновь, всё такой же чистый, но теперь в нём ощущалась сокрушительная тяжесть. Словно невидимая длань судьбы опустилась на его позвоночник холодной сталью, принуждая склонить голову.

Но он не поддался. Харе лишь упрямо и насмешливо хмыкнул:

— Да. Именно так. Эгоистичное.

— И ты не отступишься?

Величественный ропот зазвучал со всех сторон, сдавливая его.

Юноша улыбнулся ещё шире, с вызовом ответив:

— Ни за что!

Журчание потока сделалось яростным, почти оглушительным. Харе замер, ожидая удара, но вместо этого до него донёлся лишь тихий вздох:

— Открой глаза.

Давящая аура мгновенно рассеялась, и голос вновь стал безучастным и холодным.

Харе мысленно заставил себя открыть глаза. Тьма отступила. Едва зрение вернулось к нему, по спине пробежал ледяной озноб — он оцепенел от увиденного.

Он действительно находился в Расщелине времени, но это место было на грани гибели.

Сияющий поток сильно сузился. Бездонный чёрный небосвод, казавшийся прежде бесконечным, теперь тяжело опускался вниз, а каменистая земля неумолимо вздымалась навстречу. словно две колоссальные плиты собирались стереть это пространство в порошок.

Вырванное с корнем Древо жизни сиротливо качалось посреди мелеющей реки, его ветви были изломаны. Оно клонилось к падению, но застыло в паре дюймов от гибели.

И дело было вовсе не в везении.

Над тускло мерцающей водой высилась исполинская четырёхрукая фигура, окутанная багровым свечением. словно сошедшее со старинных свитков божество, это существо восседало со скрещенными ногами, склонив голову. Одна половина его лика выражала неземное милосердие, другая — первобытную свирепость.

Двумя верхними руками гигант сдерживал падающее небо и рвущуюся вверх землю. Две другие руки бережно прижимали к груди нечто хрупкое.

«Сукуна...»

Это был он.

У него не было плоти, но сомневаться не приходилось — перед Харе предстал сам Сукуна.

Его полупрозрачный, излучающий слабое свечение силуэт превосходил обычные размеры в десятки раз. Это была его душа.

«Зачем он здесь? Что он натворил, этот дурак...» — Харе охватила паника. Горячие слёзы покатались по лицу, он отчаянно рванул вперёд, пытаясь обнять его.

Но руки прошли сквозь пустоту. Он ничего не мог коснуться.

Опустив взгляд, Харе замер. На руках великана покоился безжизненный беловолосый юноша с опущенной головой. Его очертания тоже были призрачными.

«Это же... я».

Сукуна защищал его собственной душой.

Но как? Как такое возможно?

Харе растерянно смотрел на эту сцену, не понимая, как может видеть самого себя со стороны.

Голос Древа жизни неторопливо прошелестел в вышине:

— Через гибель — к возрождению.

Истина нового рождения озарила разум Харе, заставив его содрогнуться всем своим призрачным существом.

— Но... почему?

Голос отозвался неторопливо, словно сказитель, ведающий древнюю легенду:

— В подлунном мире ни одна встреча не бывает случайной.

В первой вселенной Харе, явившись из небытия с чистым сердцем, сумел восстановить узы с родителями и связал свою судьбу с Сукуной.

Там, где никто его не помнил, он заронил в ткань мироздания семена любви. Во втором мире эти семена пробудились.

Память пустила глубокие корни, протянув невидимые нити сквозь грядущее и былое. Благодаря этому в третьем мире родители наконец узнали о его существовании.

Древо памяти и любви разрослось, укрыв его своей сенью.

И его же он едва не погубил собственными руками.

— Но ты принял свою тёмную сторону, обрёл целостность. Именно это позволило тебе выстоять в последний миг.

Человек соткан из света и тьмы. Приняв своё мрачное «я», он примирился с разрушением — и тем самым обрёл силу творить.

Всё шло по предначертанному пути.

— Ты отдал душу ради сотворения нового мира. Но нашёлся тот, кто пожертвовал своей, чтобы удержать тебя...

Грудь Харе сдавила такая боль, что стало трудно дышать. Вот о чём говорил Сукуна перед уходом. Вот что он намеревался сделать.

Тогда, расставаясь в этой самой расщелине, он пообещал: «Я найду тебя».

И он сдержал слово.

Харе взглянул на колоссальный силуэт, удерживающий небесный свод. Сердце разрывалось на части.

— Кто просил этого дурака?.. — дрожащим от слёз голосом спросил он.

Бесплотный голос безжалостно развеял его последние сомнения:

— Ты и сам прекрасно знаешь ответ.

Юноша зажмурился, и слёзы хлынули нескончаемым потоком.

«Сукуна, Сукуна, Сукуна...»

Он повторял это имя про себя сотни, тысячи раз, задыхаясь от рыданий. Молил, чтобы тот открыл глаза, посмотрел на него со своей обычной снисходительной усмешкой и тихо проворчал: «Ну и шумиху ты поднял, малявка».

Но сколько бы он ни звал, могучий дух оставался недвижим, безмолвно удерживая рушащийся мир.

Сквозь пелену слёз перед мысленным взором Харе — то ли в бреду, то ли в воспоминаниях — возник яркий образ.

Сукуна в просторном белом юката лениво щурится на небо и негромко произносит: «На моей родине на юге буйно цветут травы, а солнце заливает землю теплом. Там всегда ясные дни».

— Лжец... — сквозь рыдания прошептал Харе. — Здесь же крошечная тьма. Откуда тут взяться ясному дню?..

Обманщик.

Дурак.

— Пожалуйста, очнись...

«Умоляю».

Лишённый оболочки сгусток сознания без сил опустился на сияющие воды. Древо жизни склонило к нему светящуюся ветвь и мягко подтолкнуло в спину.

— Возвращайся. Взгляни своими глазами на мир, который сотворил.

Угасающий дух послушно скользнул обратно в тело юноши, покоящегося в руках Сукуны. Однако глаза его по-прежнему оставались закрытыми.

За пределами Расщелины времени, в заново собранном, едином мире, Сатору Годжо и Сугуру Гето обрели всю полноту воспоминаний. Едва придя в себя, они со всех ног бросились к тому самому переулку, где когда-то расстались.

В лучах багрового заката прямо посреди тесной улочки покачивалась прозрачная сфера, испещрённая чёрными проклятыми узорами Сукуны. Внутри неё, свернувшись калачиком, лежал младенец. Без дыхания. Без стука крошечного сердца.

— Харе! — сорвавшимся голосом крикнул Сугуру.

Он подбежал и бережно перехватил парящую сферу. Его плечи дрожали от подступающих рыданий, он казался хрупким и незащищённым.

Пальцы Сугуру ходили ходуном, из глаз катились слёзы. Но в этот момент на его плечо опустилась ладонь — широкая, тёплая и надёжная.

Обернувшись, он встретился взглядом с невероятно синими глазами Сатору. Тот мягко улыбнулся и произнёс ровным, глубоким голосом:

— Не бойся, Сугуру. Если мы смогли подарить ему жизнь в первый раз, то сможем и во второй.

Дрожь утихла. Сатору ласково стёр слёзы с лица любимого. Одной рукой Сугуру прижимал к себе проклятое чрево, а вторую крепко переплёл с пальцами Сатору. Их проклятая энергия слилась воедино и хлынула в тело спящего младенца.

Прошло немало времени, прежде чем грудь ребёнка едва заметно приподнялась. Послышался слабый вздох. Тёмные узоры на прозрачной оболочке начали блекнуть и таять, пока сфера не лопнула с негромким хлопком. Сугуру крепко прижал к себе обрётённого сына, больше не сдерживая рыданий.

В тот же вечер медицинский кабинет Технической школы магии содрогнулся от ошеломительной новости.

Сёко Иэири, мучимая сильным желанием закурить, нервно сжимала зубами фильтр незажжённой сигареты. Она окинула бывших одноклассников непередаваемым взглядом и с трудом переспросила:

— То есть вы хотите сказать, что просто подержались за руки и... родили ребёнка?

Присутствовавший при этом директор Яга хранил гробовое молчание.

Застывшие в дверях студенты переглядывались в полнейшем шоке.

— Именно так! Всё так и было, Сёко! — в один голос заявили виновники переполоха. — Пожалуйста, осмотри его. Почему наш сын до сих пор не пришёл в себя?

Сёко лишилась дара речи.

Фильтр в её зубах окончательно переломился. Поймав падающую сигарету пальцами, она закатила глаза:

— Вы в средней школе уроки биологии вообще посещали?

В такую чепуху даже детсадовцы не поверят!

— При всём уважении... — Юдзи Итадори очень хотел поддержать разговор, но ситуация была запредельно абсурдной. Он нерешительно указал на мужчин пальцем: — Сенсей, вы же оба мужчины...

Масамичи Яга долго смотрел на эту картину, после чего устало потёр переносицу:

— Довольно паясничать. Сатору, Сугуру, у кого вы украли младенца? Живо верните родителям.

Директор отчитывал их точно так же, как во времена учёбы за прогулы. И только сейчас Сатору и Сугуру, безумно переживавшие за состояние сына, осознали странность

происходящего.

Ни один из них не помолодел, они прекрасно помнили всё, что пережили. Но по старым воспоминаниям Яги и остальных Сугуру сейчас должен был считаться опасным проклинателем-отступником. Так почему же все вели себя столь дружелюбно?

Сатору задумчиво посмотрел на спящего на руках Сугуру младенца. Похоже, перед тем как они потеряли сознание, Харе успел сотворить нечто невероятное. Тот колокольный звон переписал реальность.

— Это ведь Харе. Вы правда его не помните? — осторожно спросил Сатору.

В ответ все лишь недоумённо покачали головами.

— Масамичи, а что с верхушкой магов? — продолжил расспросы Сатору.

Яга нахмурился:

— Старейшины погрязли в коррупции и сговорах, поэтому младшие шаманы потребовали зачистки. Исполнителями назначили вас с Сугуру. Неужели забыли? — Голос директора посерьёзnel. — Я как раз хотел узнать, как продвигается дело. Откуда у вас ребёнок?

События совпадают, но причины изменились. Это точно дело рук Харе. Сатору и Сугуру переглянулись, поняв, что в этой новой реальности только они двое помнят истинное прошлое.

— А каков статус Сугуру в глазах министерства?

Этот вопрос окончательно ввёл присутствующих в ступор. Сёко недовольно поморщилась, крутя в пальцах сломанную сигарету:

— Ассоциация Времени долгие годы преследовала обычных людей и сеяла смуту. После выпуска Сугуру лично ликвидировал эту секту. Вы тогда ещё крупно повздорили, притащили меня в бар, грозясь надраться до беспамятства, а на следующий день помирились. Совсем память отшибло?

Сугуру и Сатору промолчали.

— Сенсей как будто рассудок потерял, — с тревогой заметил Юта Оккоцу.

Маки Дзэнъин презрительно фыркнула и обратилась к врачу:

— Сёко-сан, вы бы проверили голову Годжо-сенсея. Похоже, он знатно приложился макушкой.

— Если у него сотрясение, значит, уроки сегодня отменяются? — Мегуми Фусигуро, стоя у стены и засунув руки в карманы, проявил весьма прагматичный интерес.

Юдзи покосился на него, собираясь съязвить, но промолчал. Нобара Кугисаки тут же подхватила:

— О, тогда требую объявить каникулы!

Сатору и Сугуру переглянулись.

Похоже, эти дети действительно ничего не помнили.

— Да говорю же вам, это наш с Сугуру сын! Его зовут Харе. Но он почему-то спит и не просыпается, посмотрите же наконец! — взмолился Сатору.

Сёко обречённо вздохнула.

— Ладно, давай сюда своего найдёныша.

Она подошла к Сугуру, чтобы забрать младенца. В это время директор Яга увёл Сатору в сторону, расспрашивая о ликвидации старейшин Главного управления магии. Теперь власть переходила в руки Трёх великих кланов, и Сатору, как главе клана Годжо, предстояло взять на себя львиную долю обязанностей. Работы намечалось непочатый край.

— Физически он абсолютно здоров, но почему не приходит в сознание — я сказать не могу. Оставьте его пока в стерильном боксе, — Сёко убрала руки и разочарованно покачала головой.

Следующие недели Сугуру практически не покидал лазарет, не отходя от прозрачной палаты ни на шаг. Сатору разрывался между разбором завалов, оставшихся от прежнего руководства, и редкими свободными минутами. Прибегая во время обеденных перерывов, он утыкался носом в шею Сугуру, заявляя, что ему жизненно необходима подзарядка.

Так прошёл почти месяц.

Одним ранним утром Сугуру, как обычно, пришёл проведать сына и замер на пороге. Маленький спящий младенец исчез. Вместо него на больничной койке мирно лежал стройный, бледный юноша.

Он вырос буквально за одну ночь. Это невероятное событие переположило всю Техническую школу магии. Студенты и преподаватели сгрудились у дверей. Только что вернувшийся из Главного управления магии Сатору протиснулся сквозь толпу. Глядя сквозь стекло на спящего сына, он больше не мог сдерживать слёз.

Его белые ресницы намокли, а в синих глазах отражался тёплый свет. Шмыгнув носом, Сатору тихо рассмеялся:

— Ха-ха... Сугуру, наш малец времени зря не терял. Весь в нас.

Он стал их общим, осязаемым чудом.

На пятидесятый день пребывания Харе в коме в Техническую школу магии пожаловал незваный гость. Вся школа — от вспомогательных кураторов до директора — была поднята по тревоге и застыла в боевой готовности. Однако Двумикий Король Проклятий проигнорировал шаманов. Он просто бесцеремонно вошёл в лазарет и остановился у постели спящего юноши.

Сёко была уверена, что Сатору и Сугуру тут же бросятся на незваного гостя с кулаками. Сукуна разглядывал их сына с неприкрытым интересом. Точнее, между ними явно тянулась какая-то запутанная, глубокая связь.

Его взгляд, устремлённый на Харе, пугал своей сложностью: в нём смешались глухая нежность, собственничество и безумная преданность — чувства, совершенно немыслимые для безжалостного проклятия. Стоило Сёко заметить это выражение лица, как у неё побежали мурашки по коже.

Родители юноши, конечно же, тоже всё поняли. Но вместо драки они просто загородили собой кровать и довольно по-детски заявили:

— Нашему зятю до свадьбы ещё расти и расти! Поумерь аппетит.

Сукуна лишь презрительно хмыкнул:

— Глупцы.

Сёко застыла с округлившимися глазами.

Что за бред?.. Этот мир окончательно сошёл с ума? Сукуна... метит в зятя к Годжо и Гето?!

Король Проклятий явился лишь однажды. Но этого короткого визита хватило, чтобы студенты, впервые воочию столкнувшиеся с легендарным монстром, прочувствовали всю тяжесть его ауры и начали тренироваться с утроенной силой.

На шестидесятый день затяжная дождливая весна сжалилась, подарив на редкость тёплое и солнечное утро.

Ресницы Харе вздрогнули, и он медленно приоткрыл глаза.

Его уже перевели из стерильного бокса в обычную палату. Окно было слегка приоткрыто, и залетающий весенний ветерок приносил с собой тонкий аромат первых цветов.

Время в Расщелине времени текло иначе. Для самого Харе с момента исчезновения прошёл лишь краткий миг. Первое, что он увидел, открыв глаза, — ошеломлённое лицо мамы.

Сугуру сидел у постели, аккуратно вырезая из яблочных долек фигурки кроликов (хотя большую часть заготовок Сатору уже успел утащить и съесть).

Сугуру верил, что сын очнётся, но теперь ему казалось, что он спит и видит сон.

— Мама, я... — тихо позвал Харе. Голос прозвучал хрипло и слабо. Он попытался что-то объяснить, но перед его носом тут же оказалась яблочная долька с забавными ушками.

Сугуру ласково улыбнулся и нежно погладил его по белым волосам:

— С возвращением, Харе.

Дверь палаты с грохотом распахнулась. В комнату влетел запыхавшийся Сатору:

— Сынок! Твой любимый папочка пришёл! Ой, неужели ты так растрогался, что расплакался?

Следом ввалились студенты. Они уже давно смирились с тем, что Харе — сын их классного руководителя и бывшего главы культа, и теперь наперебой поздравляли юношу, попутно подкалывая Сатору:

— Годжо-сенсей, вообще-то вы сами ревели белугой всё это время.

— Чего? Быть не может! Я ведь сильнейший, а сильнейшие не плачут!

Все дружно закатили глаза:

— Ну да, конечно.

Харе приподнялся на кровати, переводя взгляд с одного весёлого лица на другое. На его губах наконец расцвела счастливая улыбка.

Как же хорошо. Все живы, все рядом.

Только...

В груди заняла глухая тоска.

Сатору, воспользовавшись суматохой, наклонился к его уху и что-то тихо шепнул. Харе удивлённо вскинул голову.

Вдоль дороги, ведущей к Технической школе магии, плотной стеной росли вековые вишни.

Несмотря на раннюю весну, ветви уже ломились от пышного розово-белого цвета, а земля была усыпана плотным ковром из нежных лепестков.

На одной из широких ветвей лежал высокий, статный мужчина. Белоснежное просторное юката сидело на нём безупречно, а растрёпанные розовые волосы были чуть темнее цвета цветущей сакуры.

Он небрежно согнул одну ногу в колене, а вторую свесил вниз. На его щиколотке плавно изгибалась чёрная змеевидная татуировка — проклятая метка.

Даже в столь расслабленной позе он источал первобытную, смертоносную опасность, которая совершенно не вязалась с безмятежной beauty-атмосферой цветущего сада.

Но Сукуну это мало заботило. Скрытый нежно-розовым пологом, он лениво вглядывался в прорехи между листьями. Тёплый весенний ветер доносил дыхание новой, бурлящей жизни.

Солнечные лучи пробивались сквозь крону. Мужчина прикрыл глаза ладонью. Качнувшаяся от ветра ветвь осыпала его лепестками, которые закружились в воздухе и мягко опустились на белоснежную макушку вбежавшего в сад юноши.

Харе запрокинул голову, тяжело дыша — он бежал сюда со всех ног.

Его синие глаза сияли, точно согретое солнцем море, переливаясь мириадами золотистых искр.

Уголки губ Сукуны дрогнули в довольной усмешке. Он легко спрыгнул с ветви на мягкую землю.

Точно так же, как в день их самой первой встречи.

Солнце заливало мир своим светом. В лазурном небе медленно проплывали редкие облака, удивительно похожие на глаза стоящего перед ним мальчишки — но даже небо уступало им в чистоте и красоте.

Сукуна раскрыл объятия, и Харе с разбегу уткнулся ему в грудь, крепко обхватив руками.

Ощущая кожей живое тепло солнечных лучей, Король Проклятий вдруг вспомнил, что тысячу лет назад его единственным желанием было просто свободно жить под этим самым небом.

Спустя целое тысячелетие он наконец обрёл свой собственный, ясный день.

На землю пришла весна.

И над миром раскинулось бескрайнее синее небо.

<http://bllate.org/book/19043/2005290>